

УДК 408.53:8-1

Н.В. Жданович

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЭПИТЕТА В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В русской лингвистике, начиная с М.В. Ломоносова, термин *эпитет* рассматривался в работах многих исследователей, однако до настоящего времени это изобразительно-выразительное средство

Вплоть до середины XX в. представление об эпитете, о его сущности и назначении не выходило из рамок традиционных концепций. Эпитет понимался как некий украшающий высказывание элемент. Наиболее распространенной была точка зрения, исходя из которой, эпитет рассматривали как определение, подчеркивающее наиболее существенное, характерное и объективно присущее предмету или явлению свойство.

«Признак, по которому предмет получает свое название, именуется эпитетом», – утверждал Ф.И. Буслаев [1, с. 289]. По его мнению, в большинстве случаев предметы получают в языке название по тому впечатлению, которое они производят на окружающих, поэтому, например, название весны *яра*, *ярь* может быть мотивировано эпитетом *ярый*, что значит ‘светлый’, ‘теплый’, ‘яркий’ [5, т. 4, с. 679]. Предметы производят на нас впечатление своими свойствами, следовательно, чтобы оживить словесный образ, сделать, по выражению Ф.И. Буслаева, «впечатление живее», необходимо обратиться к эпитету, ибо благодаря ему можно восстановить в воображении то «наглядное представление, которое лежит в названии самого предмета» [1, с. 290]. Это «живое воззрение», считал ученый, хранится в корнях имен прилагательных, поэтому вполне естественными были случаи, когда и предмет и эпитет означали практически одно и то же (*тихие покои*). Сущность эпитета (в отличие от обыкновенного прилагательного) заключалась в том, что он служил украшению речи, не

придавая никаких дополнительных оттенков названию предмета, который определялся им. Собственно говоря, при таком понимании эпитета статус образного определения получали только те прилагательные, которые постоянно сопровождали предмет – постоянные эпитеты: *зеленая трава, синее море, темный лес, чистое поле, ясное солнце* и т. п.

Этот взгляд на эпитет находит дальнейшее развитие в концепции А.А. Потебни о внутренней форме слова. В сочетаниях существительных и постоянных эпитетов (по А.А. Потебне, эпических выражениях) именно последние могли актуализировать внутреннюю форму [13, с. 145]. Однако многие эпитеты не только «не оживляли» определяемые слова, но и, утратив свой первоначальный смысл, порой казались даже алогичными. С.Г. Лазутин, говоря об эпитетах в русских былинах, отмечает, что алогичными в известном смысле являются выражения «*добрый молодец*» по отношению к старому казаку Илье Муромцу и «*красное солнышко*» применительно к князю Владимиру, трусливому, мстительному и несправедливому человеку [11, с. 123].

Несмотря на некоторую ограниченность, концепция А.А. Потебни содержала и позитивный момент, поскольку ученый признавал возможность развития и обогащения существующих формул не только за счет расширения объективных свойств реалий, но и за счет относительно субъективного изображения их в языке. «Восстановление внутренней формы, – подчеркивал А.А. Потебня, – есть не безразличная для развития починка старого, а создание новых явлений, свидетельствующее об успехах мысли. Новый акт творчества прибавляет к своим историческим послылкам нечто такое, чего в них не заключалось», потому что «поэзия не есть выражение готового содержания, а, подобно языку, могущественное средство развития мысли» [13, с. 147]. Кроме этого, А.А. Потебня был одним из первых в русской лингвистике, кто рассматривал наречие как эпитет к глаголу, основываясь на параллелизме функций определений и обстоятельств образа действия и взаимосвязанности качественных прилагательных и качественных

определяющих наречий. Хотя вопрос о статусе обстоятельств в структуре художественного текста по сей день остается открытым, сама мысль о расширении круга эпитетов была значительным достижением на пути их теоретического осмысления.

Подлинную теорию эпитета – аргументированную и последовательную – мы находим только у академика А.Н. Веселовского, который в своей «Исторической поэтике» [3] написал историю эпитета, непосредственно связав ее с эволюцией содержания художественных определений.

Согласно точке зрения ученого, эпитет как бы концентрирует в себе историю поэтического стиля и – шире – историю поэтического сознания, поскольку выделение признака, заключенного в эпитете, с позиции существенности / несущественности характеризует не только сознание писателя, но и поэтическое сознание эпохи, мировоззрение народа и систему ценностей, заложенных в социуме. «Каждый из этапов историко-литературного процесса (смена стилей и направлений) нашел свое отражение в эпитете» [3, с. 321]. Это выдвинутое А.Н. Веселовским утверждение приводится многими исследователями, поскольку эволюция мышления и, соответственно, форм художественного выражения обуславливала изменение и, естественно, обогащение системы образных определений.

Ученый не ограничивал эпитетную систему кругом постоянных определений (их постоянство при известных словах можно обнаружить и в других языках: русск. *добрый молодец* – болг. *добарь юнакъ*, серб. *добар јунак*; русск. *борзый конь* – болг. *бързъ конь*, серб. *бързъ коњ*; русск. *белый свет* – серб. *бијели свијет*; русск. *синее море* – серб. *сиње море*), которые, как правило, тавтологичны и в большей степени свойственны народно-поэтическому стилю. Наряду с тавтологическими, А.Н. Веселовский относил к числу эпитетов пояснительные определения, разделяя их на синкретические эпитеты и эпитеты-метафоры. Хотя большинство исследователей (мы в том числе) не противопоставляют эти разновидности эпитетов и рассматривают

их как метафорические, А.Н. Веселовский считал целесообразным их разграничивать (*черная тоска* – эпитет-метафора, *глухая ночь* – синкретический эпитет), ибо «между ними лежит полоса развития: от безразличия впечатлений, к их сознательной раздельности» [3, с. 61]. Согласно его воззрениям, эпитет-метафора возникает тогда, когда а) в пределах одного представления на предмет переносится действие, свойственное ему «при развитии олицетворения» (*голодная волна, седая зима, алчный грех* (А.С. Пушкин)); б) эпитет относится к одной из частей предмета (*зеленые волосы nereid* – от цвета моря или морской травы). Синкретические же эпитеты основаны на бессознательности ассоциаций [3, с. 62-63].

Исходя из способа связи определения с дистрибутом и учитывая семантико-стилистические характеристики эпитетов, А.Н. Веселовский выделил среди них *народно-поэтические*, или *постоянные*, эпитеты, назначение которых – «отметить в предмете черту, казавшуюся для него характерной, существенной, показательной» [3, с. 63]; *общеязыковые* эпитеты, ориентированные на выделение объективно присущих (но не типичных) или перенесенных с других реалий посредством психологического параллелизма черт предмета, – *эпитеты-метафоры* и *синкретические* эпитеты; *индивидуально-авторские* эпитеты, отражающие субъективно приписываемое предмету свойство.

Поскольку постоянные определения являются первичными, некоторые исследователи считали целесообразным ограничить круг эпитетов только ими. В результате сложилось два понимания эпитета: *узкое*, согласно которому система эпитетов представляет собой совокупность традиционных, канонизированных определений, и *широкое*, в соответствии с которым круг эпитетов не ограничивался. Сам термин варьировался в пределах двух определений: 1) эпитет – это аналитическое определение и 2) эпитет – поэтический прием.

Первое определение восходит к А. Горнфельду. Противопоставляя эпитет другим видам определений, он подчеркивал, что *эпитет* – это аналитическое определение, повторяющее признак, заключенный в самом определяемом слове и добытый из его анализа [4]: *длиннотенное копьё, ясная лазурь*. Очень близка к этому определению формулировка Б.В. Томашевского: «От логического определения существенно отличается поэтическое, которое не имеет функции выделения явления из группы ему подобных и не вводит нового признака, не заключающегося в слове определяемом. Поэтическое определение повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет целью обращение внимания на данный признак или выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету» [17, с. 34]. При таком подходе совершенно очевидно, что сущность эпитета заключается в повторе. Эпитет охватывает ограниченный круг явлений, опираясь на сложившиеся в литературной традиции стереотипные сочетания.

Аналогичной точки зрения придерживался и В.М. Жирмунский, считая, что функция эпитета состоит в выделении типического, идеального признака определяемого понятия. Основное отличие эпитета от другого рода определения он видел в постоянстве первого и изменчивости второго, которое всегда обозначает признак частный, присущий предмету «в данном месте и времени, в определенном аспекте с некоторой индивидуальной точки зрения» [7, с. 55]. Свое отношение к эпитету ученый мотивировал, опираясь на поэтическую практику французского классицизма XVII–XVIII вв. и «Риторику» М.В. Ломоносова, в которой эпитет рассматривался как частный вид амплификации (*amplificatio* – распространение). Примером эпитетных сочетаний были для В.М. Жирмунского клишированные выражения типа *кудрявые рощи, кристальные ручки, юная дева*, многие из которых имели аналоги в других языках.

Эволюцию поэтических определений В.М. Жирмунский представлял как переход от эпитета украшающего (*epitheton ornans*) к редкому эпитету (*epithete rare*), причем по отношению к последнему он считал

нецелесообразным употреблением термина «эпитет». Свою точку зрения ученый мотивировал тем, что индивидуально-характеризующее определение непременно вносит новый, не заключающийся в самом определяемом понятии признак, и, соответственно, сужает его значение, а это, в свою очередь, приводит к сближению такого рода поэтических определений с логическими определениями, функция которых заключается в выделении таких свойств предмета, которые отличают этот предмет от других [7, с. 54].

Однако нельзя не отметить, что границы между логическими и поэтическими определениями размыты в структуре художественного текста. Достаточно сравнить *вечерний час* – логическое определение, мотивированное существительным *вечер* ‘время суток’, и *вечерний час* – поэтическое определение в перифрастическом сочетании, мотивированном экзистенциальной метафорой *вечер – старость* (время – пора жизни, возраст человека): *Кто может быть приятным другом <...> // Тот в мире с миром уживется // И дней своих не прекратит... // Отраду в горестях найдет, // С улыбкой встретит час вечерний // И в полночь тихим сном заснет* (Н.М. Карамзин).

Это обстоятельство обусловило существование и широкое распространение другого взгляда на эпитет, согласно которому он рассматривался не как аналитическое определение, а как поэтический прием, «действенное средство, усиливающее картинность и эмоциональность речи» (А. Шалыгин) и «подчеркивающее различные свойства и признаки явлений» (Б. Лукьяновский). В таком понимании эпитетом могло быть слово или несколько слов, «приданных к обычному названию предмета для того, чтоб усилить его выразительность, подчеркнуть в предмете один из его признаков – тот, который в данном случае важно выдвинуть на первый план, как бы рекомендовать особому вниманию читателя» [цит.: 8, с. 52].

Такой позиции придерживалось большинство исследователей: А. Зеленецкий, А. Шалыгин, Б. Лукьяновский, Л. Тимофеев и другие, однако среди них не было единства мнений по поводу того, чем должен быть

выражен эпитет. Наметилось несколько тенденций: 1) *эпитет* – это образное определение адъективного характера, которое прибавляет новые качества к значению определяемого слова и нередко употребляется в переносном значении [12]; 2) *эпитет* – это определенное слово, «относящееся к какому-либо определяемому <...> и подчеркивающее в нем какое-либо его отличительное свойство, индивидуальное или родовое» [16, с. 419]. Во втором случае эпитетами являлись не только прилагательные и их эквиваленты, но и наречия, существительные, числительные. Согласно Л. Тимофееву, эпитетом может быть «всякое значащее слово, поскольку оно выступает как определяющее по отношению к другому: существительное («дева – роза»), прилагательное («великий, могучий, правдивый и свободный русский¹ язык»), наречие и деепричастие (в том случае, если определяемым словом являлся глагол: «волны несутся, гремя и сверкая», «и недоверчиво и жадно смотрю я на твои цветы») [16, с. 419]. Кроме того, к эпитетам относили адъективы в предикативной функции. Не соглашаясь с подобными утверждениями, В.М. Жирмунский предполагал, что грамматико-синтаксические особенности слов-определений не касаются эпитетов, а скорее связаны со «словесными темами». Так, сочетания «белый снег», «белизна снега», «снег белеет» реализуют одну и ту же тему, однако эпитетом является только определение *белый*.

Отмеченные тенденции прослеживаются и в современных исследованиях, однако авторы вносят в понятие эпитета те или иные корректировки. Например, рассматривают эпитет как образное определение, преимущественно выраженное прилагательным (не исключая тем самым других грамматических форм); относят к числу эпитетов не любое слово-определение, а только то, которое художественно, образно определяет

---

¹ С точки зрения Л. Тимофеева, все эти определения, включая *русский*, – эпитеты. Единственным различием между ними является то, что *русский* – родовое определение, выделяющее данный предмет из многих («русский», а не какой-либо другой язык), в то время как остальные эпитеты – поэтические определения, поясняющие, оценивающие, индивидуализирующие предмет речи.

другое слово. Кроме того, для работ последних десятилетий характерен интерес к эпитету не как к орнаментальному средству, а как к одному из способов концептуализации мира в сознании человека, отражающему и объективные, очевидные связи реалий, и субъективные, ассоциативно-образные [9; 10; 15]. «Если метафора – это способ мышления о мире, то эпитет – это категория иной, «немного уже», но подчиненной общим мыслительным процессам сферы – сферы художественного познания», – заключает Н.Г. Сидяченко [15, с. 11-12].

Таким образом, и сегодня теория эпитета не является достаточно определенной и варьируется в довольно широких пределах. Исходя из широкого понимания эпитета, мы, во-первых, все же ограничим эпитетные сочетания характером атрибутивных отношений, поскольку в предикативном употреблении эпитет теряет свои индивидуальные характеристики. Атрибутивная функция предполагает семантическое согласование определения с определяемым, тогда как в предикативной функции возможно навязывание некоторых внешних, случайных признаков дистрибуту. Кроме того, «именно в атрибутивных, а не в предикативных конструкциях возникают семантические запреты на сочетаемость прилагательных с предметными именами, которые дают ключ для семантического описания и тех, и других» [14, с. 108-109]. Во-вторых, не каждое определение будем относить к числу эпитетов, несмотря на текучесть границ между логическим и поэтическим определениями. Конечно, логическое определение может стать поэтическим в контексте речи, но они не эквивалентны в функциональном плане. Логическое определение выполняет классифицирующую функцию и, соответственно, сужает понятие (*кленовый* лист, а не *дубовый*, *осиновый* или какой-либо еще, *красное* пятно, а не *масляное* и т. п.) – поэтическое определение создает образ предмета, подчеркивает эмоционально-оценочное отношение к нему, выполняя характеризующую функцию. В отличие от логического определения, поэтическое не сужает объем понятия, а, напротив, актуализирует

дополнительные признаки, объективно присущие предмету или субъективно отмеченные автором: *Скелеты страшную дружиной, // Шатаясь, бредут с трудом // Без славы, без одежд, без хлеба, // Под оловянной высью неба, // В железном воздухе седом!* (Ф.Н. Глинка); *Нас быстро годы почтовые // С корчмы довозят до корчмы, // И снами теми роковые // Прогоня жизни платим мы* (Е.А. Баратынский); *Нет, пусть живу и мыслю одиноко! // Пусть над одним ревет судьбы гроза! // Зато я чист, ужасного упрека // Меня не жжет кровавая слеза* (В.Г. Бенедиктов) – ср.: *оловянный солдатик, железная дверь, почтовая марка, кровавое пятно.*

Нельзя согласиться с утверждением Е.Н. Дрыжаковой, что функция эпитета заключается в *одностороннем* определении слова, подчеркивающим, усиливающим «какое-нибудь характерное качество предмета» [6, с. 91], поскольку в художественной речи функционирует довольно много сложных эпитетов, совмещающих разнородные качества, которые характеризуют предмет сразу с нескольких сторон: *горделиво-задумчивый красавец, сладостно-туманная забота* (Е.А. Баратынский); *ласкательно-суровые слова, уныло-сладостное страданье* (В.Г. Бенедиктов); *беззаботно-кудрявая глава, волшебнo-узорные сны* (Ап. Григорьев); *прохладно-голубой свод неба, тускло-одинокий луч* (В.А. Жуковский); *ложно-черные сомненья, нежно-постоянная дружба* (М.Ю. Лермонтов); *вольнo-вдохновенная беседа, широкошумные дубровы* (А.С. Пушкин).

Справедливо высказывание Н.В. Ведерникова о сложной природе эпитета, в котором сочетаются и взаимодействуют различные факторы: языковые, стилистические, психологические [2, с. 4]. Это дает возможность представить, исходя из истории эпитета, как эволюцию языка и стиля, так и эволюцию сознания, мышления человека, особенности его отношения к миру.

Проведенное исследование функционирования эпитетов в русской поэтической речи (прежде всего в речи первой половины XIX века)

позволяет сделать следующие выводы о сущности этого изобразительно-выразительного средства:

1. Эпитет, как и любое поэтическое слово, – полифункциональная, полисемантическая единица, жизнь которой детерминирована художественной тканью произведения, эстетикой автора и его мировосприятием.

2. Эпитет является лингво-эстетической категорией, которая входит в сферу художественного познания и подвластна общим закономерностям развития искусства и способов художественного освоения мира. С изменением мышления изменяется художественное отражение действительности и, как следствие, изменяются семантика и функция эпитета.

3. Первоначальное предназначение эпитета – усилить наиболее показательную черту в предмете речи – с течением времени заменяется функцией субъективной характеристики предмета, которая акцентирует внимание реципиента не на типичном признаке, а на признаке, актуальном для интерпретации этого предмета с позиции субъекта речи. Функциональная эволюция эпитета обуславливает изменение семантических отношений в структуре атрибутивного сочетания и увеличивает роль определения в создании индивидуально-авторской картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев, Ф.И.* Предмет и его эпитет // Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 289-291.
2. *Ведерников, Н.В.* Краткий словарь эпитетов русского языка (Учебное пособие) / Н.В. Ведерников. – Л.: ЛГПИ, 1975. – 190 с.
3. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высш. Шк., 1989. – 404 с.
4. *Горнфельд А.* Эпитет / А. Горнфельд // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. – СПб, 1904. – Т. 80. – С. 926-928.

5. *Даль, В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 1997.
6. *Дрыжакова, Е.В.* В волшебном мире поэзии / Е.В. Дрыжакова. – М.: Просвещение, 1978. – 205 с.
7. *Жирмунский, В.М.* К вопросу об эпитете / В.М. Жирмунский // Поэтика: Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. – М.: РОУ, 1992. – С. 52-60.
8. *Жирмунский, В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
9. *Клименко, Т.И.* Виды семантических отношений в системе имен прилагательных (на материале «Русского семантического словаря» и словарей эпитетов): Автореф. Дис. ... канд. Филол. Наук: 10. 02. 01. / Рос. Гос. Пед. Ун-т им. А.И. Герцена / Т.И. Клименко. – СПб., 1995. – 18 с.
10. *Кожевникова, Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986. – 286 с.
11. *Лазутин, С.Г.* Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М.: Высш. Шк., 1989. – 208 с.
12. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. Ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987.
13. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 343 с.
14. *Рахилина, Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
15. *Сидяченко, Н.Г.* Функционально-стилистическая, семантическая и формальная структура эпитета: Дис. ... канд. Филол. Наук: 10. 02. 03. / Н.Г. Сидяченко. – Киев, 1991. – 178 с.
16. *Тимофеев, Л.* Эпитет / Л. Тимофеев // Энциклопедический словарь Русского библиографического общества «Гранат». – М.: ОГИЗ, 1948. – Т. 54. – С. 419-420.
17. *Томашевский, Б.В.* Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 333 с.

РЕПОЗИТОРІЙ БГПУ